
О.А.Масалова, Е.Г.Гущина

Этнографические наблюдения в Южной Америке профессора В.Ф.Берви

Василий Федорович Берви — ученый и коллекционер, исследователь и путешественник по Южной Америке, оставил воспоминания, содержащие интересные исторические, географические, этнографические и антропологические материалы, и музейную коллекцию, отражающую отдельные аспекты материальной и духовной культуры латиноамериканского континента. В статье предпринята попытка раскрыть феномен личности В.Ф.Берви, найдены и впервые введены в научный оборот отрывки из его работ, представлены и атрибутированы музейные предметы, привезенные исследователем в Казанский университет.

Ключевые слова: научная биография, этнография, история науки, Южная Америка, музейная коллекция, путешествие.

Василий Федорович (Фридрих-Вильгельм) Берви (1793—1859 гг.) — профессор медицины, ученый, коллекционер, путешественник. Несмотря на то, что на протяжении 25 лет жизнь этого человека была связана с Императорским Казанским университетом, можно обнаружить лишь небольшой биографический очерк о нем, опубликованный в 1904 г. в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804—1904)»¹.

В.Ф.Берви родился в 1793 г. в семье английского консула в г. Данциге. Юлия Абибок в статье «Жившие чужими страданиями. Ненаписанная история семьи Берви» из интервью с внучатым племянником Берви Александром Борзых приводит информацию об истории рода: «В конце XVIII века некто Фридрих (Фредерик?) Бервик, консул Великобритании в Данциге, поссорившись с кем-то из властей, бежал в Петербург. Фридрих якобы был более чем знатного происхождения... Фридрих Бервик довольно сносно устроился в России. Однако его карьера прервалась ранней смертью. Малолетнего сына — Фридриха-Вильгельма — взял на воспитание немецкий аптекарь, друг семьи бывшего британского консула. По семейному преда-

Ольга Алексеевна Масалова — кандидат исторических наук, директор Этнографического музея Казанского (Приволжского) федерального университета (omasalova@mail.ru); Елена Геннадьевна Гущина — главный хранитель Этнографического музея Казанского (Приволжского) федерального университета (egguschina@mail.ru).

нию, именно с его легкой руки потомки Бервика утратили свое шотландское «-к» и стали именоваться просто — Берви»².

Успешно окончив курс Санкт-Петербургской медико-хирургической академии и получив степень лекаря первого отделения, 20 августа 1816 г. Берви в качестве врача поступил на службу Российско-американской компании. Продолжая службу в компании, совершил на ее судах два плавания (1816—1819 гг. и 1820—1823 гг.) в русские североамериканские владения, исполнял обязанности медика при колониальной больнице Новоархангельского порта. За время несения службы в эти годы Берви был удостоен звания ученого члена-корреспондента Императорского человеколюбивого общества, члена-корреспондента Императорской медико-хирургической академии, действительного члена Императорского московского общества испытателей природы и Московского медико-физического общества. В 1824 г. утвержден почетным членом Общества испытателей природы и врачебных наук в Дрездене³. В 1827 г. Берви получил от Московского отделения медико-хирургической академии степень доктора медицины и от Императорской медико-хирургической академии в 1828 г. звание акушера.

Василий Федорович Берви

12 мая 1832 г. по рекомендации московского генерал-губернатора князя Дмитрия Владимировича Голицына Берви определен в Императорский Казанский университет ординарным профессором анатомии, физиологии и судебной медицины. В 1836 г. был назначен на должность декана медицинского факультета Императорского Казанского университета. В 1840 г. принял российское подданство, а в 1841 г. получил дворянский титул как «иностранец, принявший подданство России и имеющий диплом от чужих государей, а также имеющий заслуги перед отечеством, поместные владения и внесен в 3-ю Книгу Казанского дворянства»⁴.

Берви являлся автором ряда работ: «Основные начала антропологии» (1839 г.), «Рассуждение о жизни человека в отношениях духовном и физическом» (1839 г.), «Физиологически-психологический взгляд на начало и конец жизни» (1859 г.). При чтении лекций профессор Берви постоянно обращался к примерам из жизни народов, которые он наблюдал во время своих путешествий. Так, например, рассуждая о роли солнечного света в развитии живых организмов, Берви замечал: «Природа оказывает могущество творящей силы там, где господствует свет. Материя, развиваясь, производит великанов органических тел между тропиками; отечество Пальмов, Баобаба, Слонов, Кондора, змеи Боа и т.д. тому свидетельствуют. Около полюсов, погруженных полгода во мрак ночи, все цепенеет; сама вода как

произведение равновесия двух противоположных сил, повинуюсь контрактивному полюсу принимает твердый вид»⁵.

Кроме того, антропологические и этнографические наблюдения позволили профессору Берви вывести универсальный закон долголетия: наследственность, хорошее телосложение, веселый беспечный нрав, умеренная и правильная жизнь, особенно в деревне⁶.

Свой методологический подход Берви определяет как деизм, ибо только подобным образом возможно изучить человеческую сущность. «Человек по своему организму принадлежит природе; он есть звено этой цепи существ, составляющих то, что мы называем миром; но возведенный на высшую ступень органического образования представляет собою отдельное целое, мир в малом виде, микрокосм. По своей духовной природе человек принадлежит человечеству, и как орган онаго он должен содействовать к развитию и участвовать в благосостоянии целого, как каждый из органов тела его участвует в сохранении своего тела»⁷.

Выйдя в отставку «по домашним обстоятельствам», летом 1858 г. профессор Берви поселился в своем небольшом имении в Бугурусланском уезде Самарской губернии, где вскоре и скончался⁸.

Во время несения службы судовым врачом в Русско-американской торговой компании 1818—1824 гг. Берви посетил Мексику, Бразилию, Перу и другие южноамериканские территории, хотя ряд указов не рекомендовал русским судам заплывать южнее калифорнийского побережья. Воспоминания о своих путешествиях профессор Берви опубликовал в «Ученых записках Казанского университета» в 1835 г., 1836 г. и 1837 г. «Отрывки из записок путешественника», вышедшие в 1837 г., содержат описания природно-климатических условий южноамериканского континента, подробные замечания о жизни креольского населения Лимы, столицы Вице-королевства Перу; историю династии Инков. Работа оканчивается фразой «Продолжение следует». Однако дальнейших публикаций воспоминаний о путешествиях Берви обнаружить не удалось.

В данной статье приводятся фрагменты, относящиеся к этнографическим и антропологическим наблюдениям профессора Берви. Знакомство с необычным культурным миром и его природным окружением, отсутствие серьезных этнографических и антропологических исследований об индейцах Южной Америки, свойственный для первой четверти XIX в. европоцентризм, — все это отразилось на стиле и содержании записок. В тоже время автор пытается систематизировать уже известные ему факты и их научные интерпретации. Как человек романтического склада, Берви излагает свои воспоминания предельно эмоционально, обращая внимания на бытовые мелочи, красоту природного мира, осуждая деятельность испанцев и многих других, виновных, по его мнению, в уничтожении уникальной индейской культуры. Ниже приводятся некоторые фрагменты этих путевых заметок.

«Расставшись с берегами райской Бразилии, мы распростились со всем тем, что природа имеет восхитительного и прекрасного. С понижением Медведицы, сего стража Северного Полюса, начал подниматься Южный крест, и чем он выше блистал над нами, тем мрачнее делалось около нас, тем ужаснее шумели ветры, тем выше поднимались волны...

Императорский Казанский университет (гравюра XIX в.)

Как часто у Южного мыса Америки в борьбе с бурей, с подобными горам волнами, с дождем и снегом, мы завидовали участи последнего земледельца, спящего спокойно на соломе...

Продолжив плавание несколько дней около Перуанских берегов в виду Кордильеров, мы были обрадованы счастливым днем, в который положили якорь на рейде Кальяо, в порте Лимы, местопребывания Вице-роя...

Все корабли, приходящие в Лиму, должны останавливаться и выгружаться на Коляоской рейде и снабжаться провизией на сем месте. Несмотря на все сие, наружность города не показывает обилия: дома маленькие, стены у многих из них состоят из шестов, воткнутых в землю и смазанных глиной; кровли прямые из плотного тростника или листьев банана; многие не имеют кровель, а виноградник, вьющийся около шестов и стелющийся поверху, служит вместо кровли; окон нигде нет...

От Кальяо по прямой дороге в Лиму местами встречаются кругообразно расположенные каменные скамьи для пешеходов. На шестой версте сооружена часовня в память землетрясения, бывшего в 1746 году, в том самом месте, до которого доходило море. К этой часовне сменяемые Вице-Рои ходили на встречу своим преемникам и отдавали им жезл начальства, а сии последние, принявши его после условленных приветствий возвращались в Кальяо; откуда уже чрез несколько дней торжественно вступали в Лиму...

Вероятно Америка и часть оной Перу получила своих жителей не с одной точки. Древнейшие, ныне исчезнувшие, принадлежали ей собственно; других доставляла ей Полинезия с Запада; с Востока, может быть населила Америку исчезнувшая Атлантида, коей остатки составляют Канарские острова. Третье племя переселялось из Северной Азии чрез Берингов пролив, который тогда вероятно не существовал. Население с сей стороны доказывается

сходством наружного строения с жителями Северо-Западного берега. Сверх того древние Перуанцы, подобно Алеутам и другим полярным жителям, употребляли челноки, сделанные из кожи. Это племя держалось морских берегов; а племя Атлантиды распространялось более во внутрь. Может быть и Европа участвовала в этом населении с Севера чрез Гренландию...

Число жителей в Лиме более 60 000 душ; из коих одна треть Испанцы, двенадцатая часть Перуанцы, шестая часть Негров, прочие же суть Европейцы других наций, смешанного происхождения. Жителей сих стран различают, принимая основанием цвет кожи, т.е. переходы от белого к черному, как от одной крайности к другой, в следующем порядке:

Отец	Мать	Дети	Цвет	Смесь
Европеец	Европейка	Криольо	Белый	
Криольо	Криольо	То же	Белый	
Европеец	Индиянка	Местизо	Белый	
Европеец	Местизо	Криольо	Белый	
Европеец	Негритянка	Мулат		½ Черн ½ белаго
Европеец	Мулатка	Квартирон		¼ Черн ¾ белаго
Европеец	Квартиронка	Кинтерон		1/8 Черн 7/8 белаго
Европеец	Кинтеронка	Чино		
Негр	Перуанка	Чино		
Негр	Чино	Замбо		
Негр	Мулатка	Замбо		¾ Черн ¼ белаго
Негр	Замбо	Замбоприето		7/8 Черн 1/8 белаго
Негр	Замбоприето	Негр		15/16 Черн 1/16 белаго
Негр	Негритянка	Негр	Черный	

Предки нынешних жителей перуанских состояли из трех различных поколений: из Европейцев, природных жителей Америки и Негров-Африканцев.

Первые, как завоеватели сих стран, присвояют себе все, что жадность их только может захватить; будучи одарены преимуществами телесными и душевными, они, кажется, сами природой назначены быть обладателями. Им во всем противоположны уроженцы Африки, переселенные сюда в цепях рабства; они нрава свирепаго; мстительность и скрытая злость выражается в чертах их; череп с плоским лбом и выдавшимися челюстями, короткие курчавые волосы, черный цвет кожи, длинное переднее плечо, большая кривизна спинного столба, подавшегося вперед, с высунувшеюся назад крестцовой костью и наклоненным вперед тазом, отличают их от прочих жителей Лимы...

Американец имеет череп более округленный, цвет медный, померанцовый, волосы черные, но длинные, которые весьма редко седеют, так что мне не случилось видеть седаго старца. Глаза черные, блестящие, лежащие глубоко в своих ямах, черты лица томные, меланхолическия, нрав чувственный, боязливый, суть отличительные признаки нынешних Перуанцев...

Дети этой смеси соединяют в себе качества родителей, и в них тем более увеличиваются недостатки отцов, чем далее они отходят от своего пер-

воначального происхождения. На что без сомнения и климат имеет большое влияние; это доказывается тем, что дети родителей одного происхождения теряют свойства своих прародителей и сближаются как в телесных, так и в душевных качествах с природными жителями...»⁹.

«...Из числа временно появляющихся птиц особое внимание заслуживает Кондор. (*Vultur Gryphus*) Контур от Перуанского слова *Кункун* и вонять, потому что Кондор издает весьма неприятный запах. У Перуанцев Контур был в большом уважении, так что многие фамилии, коих члены и теперь занимают места начальников между Перуанцами, прозываются Кунтур с прибавлениями: например, *Анукунтур*, великий Кондор; *Кунтур Пусак*, Господин осьми Кондоров. Думают, что у Перуанцев был орден Контур, подобно нашим кавалерским орденам. *Кунтур апачекта* называются высочайшие вершины Андов, означая сим, что один только Кондор может подниматься до такой высоты и вить там свои гнезда. Сантьяго Карденас (*Santiago el volador*, как его также называют) много занимался наблюдением полета Кондора, с намерением подражать ему. Он написал довольно толстую книгу о сем предмете, которая никогда не выходила в печать и находится в рукописи в библиотеке Училища Св.Фернанде в Лиме...

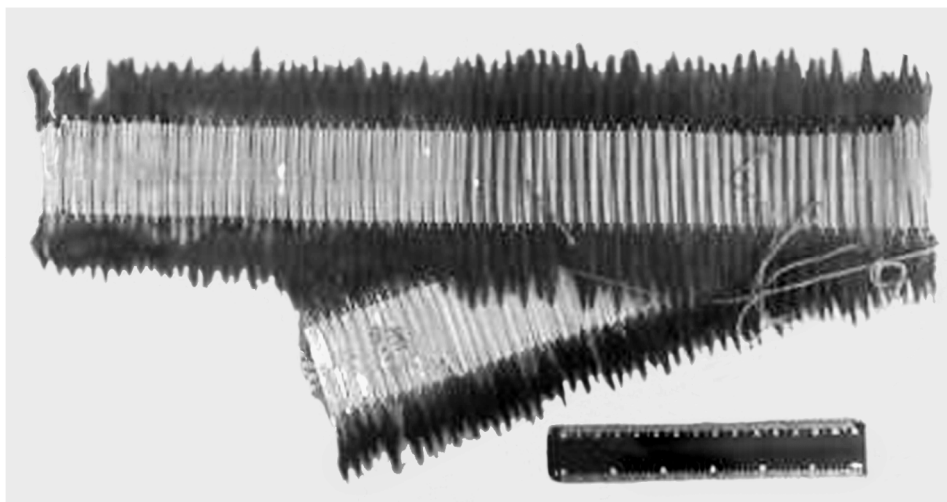

Католический крест. Перу, первая четверть XIX в. Коллекция В.Ф.Берви

Туземные животные, некогда составлявшие богатство древних Перуанцев, ныне водятся в горах, редко бывают в Лиме, где теплота для них вредна, производя сыпь и изнурение. Сюда относятся *Paco* (*Camelus peruanus* L) от слова Расо красный, по причине бураго цвета шерсти. *Alppaco* — земной баран. Его держат для шерсти; для ношения тяжести он мало способен...

Lama (*Camelus Lama Bum*) от слова *Llamsca cani* — рабочий баран. Он больше бывает Альпаки и достигает до 5½ ф. вышины от земли до передних плеч; длины от губ до хвоста около 8 футов. Льяма употребляется преимущественно для ношения тяжестей по горам Кордильеров; может носить до 4 пудов и с такой ношей подниматься с чрезвычайною верностью по опаснейшим местам. Эти животные были для Перуанца величайшей важности; они его питали, одевали и переносили его пожитки, и теперь их еще употребляют в горах, но в самом городе и его окрестностях все потребности исправляются животными, вывезенными из Европы...»¹⁰.

«Быть в Перу и не посетить храм солнца — значило бы быть в Риме и не видеть Папы. Кого в жизни не интересовала участь священных дев солнца — этих Весталок нового света, хотя бы он и знал их только из драмы Коцебу? Поэтому согласовавши одного живущего в Лиме Швейцара быть нашим путеводителем, мы пустились в поход в Пачакаму — ближайшая от Лимы развалины. Должность моя не позволила мне надолго отлучиться, отчего я, не смотря на сильное желание, не мог быть в Куско... Эти холмы состав-

Головной убор. Индейцы Калифорнии. Первая четверть XIX в. Коллекция В.Ф. Берви

ляют род Мавзолеев (Гуака) древних Перуанцев. Величина каждой гуаки соответствует важности лица в ней погребенного; и чем важнее была особа, тем выше холм; в сооружении гуаки отцу семейства участвовали все родственники; гуаку Кураки, или старосты деревни, сооружали все его подчиненные и т.д....

Гуаки внутри отделаны кирпичом и содержат кроме тела покойного его имущество. У каждого трупа ставился, между прочим, майс в сосуде. Зерна мною привезенные, по наружности сохранились очень хорошо; но посеянные уже не всходили...

...Пробравшись чрез море песков, имея справа Тихий океан, а слева вершины Кордильеров, мы приехали наконец в полдень в Пачакаму, город некогда славившийся своим храмом. Пачакама, Чакан и Гуакс принадлежали одному владельцу по имени Квизманка (Quismanca), но Перуанцы под предводительством девятого Инки, Юпанки, их завоевали. Еще до этого завоевания был заключен трактат между Квизманка, Пачакутеком, Инкою Перу, в следствие которого Инки обязались уважать Оракулов реки Римака и квизманка дал обязательство воздвигнуть в своих владениях храм солнцу, а в Пачакаме — монастырь девам солнца.

...Перуанцы, живя под благодатным небом, освобождающим их от дальних забот, под правлением патриархальным, без всякого коммерческого сношения с другими народами, не могли скоро развить свои умственные способности и усовершенствоваться в искусствах. Перуанец обязан был по законам построить себе дом и сделать все, что потребно для домашней его работы; женщины пряли и ткали себе полотно, приготовляли платье, не исключая даже дочерей Инков. Все это довольно занимало их, и не давало им много лишнего времени, чтобы заниматься выдумками: при том это и противно человеку на низкой степени просвещения; он часто пренебрегает явной пользой, крепко держится старинных обычаев, так что всякое нововведение, как бы оно не было полезно, всегда встречает препятствия и редко вводится без принуждения. Если летосчисление Испанских писателей верно, то от смерти первого Инки, Манка Капак, до смерти

последнего, Атауальпы, прошло 436 лет, срок слишком короткий для высокого просвещения...

...Здесь не Рим и не Пальмира лежали под развалинами собственного своего величия, но разрушенные жилища миролюбиваго народа. Стены, оскверненные страстями, стояли, как укоряющие свидетели совершенных здесь преступлений.

Чтобы насытить жадность нескольких изверженцев, здесь гибли тысячи. *Auri sacra fames* написано здесь исполинскими буквами на остатках разрушенных жилищ, *auri sacra fames* отдается в одичалой роще, *auri sacra fames* стонет засыпанный ручей. Жадность к золоту привлекала сюда завоевателей, задушив в них всякое другое чувство. Насытили ли они свою жадность? Нет, она, как, бедное наследство от поколения поколению до нашего времени, и правнуки кровию своею платят за преступления прадедов. Не один уже пал от руки ненависти, не один уже оросил своею кровию землю, которую он почитал собственностью. И сколько еще падет жертв, прежде нежели этот народ составленный из столь разнообразных племен, успокоится! Настоящее население Перу, не имея ни общего происхождения, ни общего языка, ни общей, всех соединяющей цели, погруженное в невежество и в безмыслие, делается слепым орудием всякаго, кто захочет взять на себя труд воспользоваться им. Боязливый от природы Перуанец следует за голосом всякаго предприимчиваго повелителя и столь же скоро его оставляет, чтобы повиноваться другому.

...Манко-Капак, основатель этой религии и родоначальник Инков, был в тоже время и образователем народа. Происхождение этого удивительнаго человека и супруги его, Мама Оселья Уака, осталось в тайне; но познания их в земледелии и в различных ремеслах и сами установления Манко-Капака доказывают, что он принадлежал к народу, стоявшему на неко-торой степени просвещения и управлявшемуся положительными законами. Манко-Капак знал, что природа духа человеческого такова, что если человек должен повиноваться законам, ограничивающим страсти и склонности, требует, чтобы эти законы были высшего, непостижимаго для него происхождения. Основываясь на этом положении, Манко-Капак назвал себя сыном солнца, которое из сострадания к людям в их несчастном положении, ниспослало его на остров Капокабана, находящийся на озере Титикака, чтобы быть им наставником и исправить их нравы...

Манко-Капак научил Перуанцев обрабатывать землю и сеять кукурузу, которая плодороднее всех прочих хлебных зерен. Маис долины Титикака, как происходящий от зерен непосредственно посеянных его рукою, так уважался, что Перуанцы позднейших времен еще считали себя счастливыми, когда такое зернышко лежало в их амбаре, полагая, что они в этом случае никогда не потерпят нужды. Мама Оселья научила их прясть из бумаги нитки и ткать из них полотно. Манко-Капак построил себе и Перуанцам дома и солнцу отцу своему храмы; ввел правильное богослужение, и поставил любовь к ближнему основным правилом всех добродетелей; заставил уважать собственность, установил брак и строго наказывал неверность...

Манко-Капак не остановился в долине Титикака, но подвинулся к Северу, построил Куско, где он жил до кончины, впоследствии в 1107 году. Царствование его было ряд мудрых установлений и добродетельных деяний; что доказывает слово *Капак*, наименование данное ему впоследствии, и значит *изобилующий добродетелями, богатством и силою*»¹¹.

В 1857 г. профессор Берви передает в дар Музею отечествоведения Императорского Казанского университета небольшую коллекцию из четырех предметов, собранную им во время путешествий:

- деревянный крест из развалин Кальяо (Перу, 1746 г.);
- бокал из кокоса (Перу, первая четверть XIX в.);
- деревянное украшение для губ (без упоминания места приобретения);
- головной убор в виде ленты из перьев (индейцы Калифорнии, первая четверть XIX в.)¹².

В 1913 г. в результате реорганизации коллекция была передана в фонд Этнографического музея Казанского университета. Наибольший интерес в коллекции Берви вызывает деревянный крест, привезенный «из развалин Кальяо Перу»¹³. Это уточнение помогло довольно точно датировать музейный экспонат. Кальяо (El Callao) — город в Перу, построенный на побережье Тихого океана недалеко от Лимы. Согласно историческим хроникам, Кальяо был основан Франсиско Писсаро в 1537 г., а полностью разрушен землетрясением и вызванным им цунами 20 октября 1746 г. Те же хроники упоминают и трагическую статистику: после землетрясения выжили 200 человек из 5000 населения города. Многие путешественники конца XVIII в. отмечали, что остатки старинного города можно было обнаружить по всему побережью. Берви отмечает особую миссию Кальяо в системе государственности Перу: крупнейший порт, символ спасения христианского населения от природной стихии и место сакрализации власти.

Головной убор в виде ленты из перьев представляет собой часть церемониального костюма индейцев Калифорнии. Полный церемониальный костюмный комплекс на территории России храниться в Музее этнографии и антропологии — Кунсткамере (Санкт-Петербург). Согласно проведенной атрибуции, головной убор является составной частью костюма духа-Орла и принадлежит индейскому племени равнинных мивок.

Третий предмет, переданный в дар музею профессором Берви, был зарегистрирован как бокал из кокоса. При последующей атрибуции было установлено, что данный экспонат представляет собой сосуд для матэ, выполненный из тыквы-горлянки. Сосуд имеет небольшие размеры (в диаметре достигает 10 см, вмещает жидкость объемом около 250 миллилитров), конусовидное дно. Экспонат богато декорирован: по ободку нанесены три полосы геометрического орнамента; вся поверхность разделена шестью клиньями, три из которых полностью гравированы спиралевидным орнаментом; конусное основание сосуда завершает вырезанная пирамидка с гранями 7 мм.

Таким образом, путевые заметки профессора Берви, предметы, привезенные им из путешествий, представляют собой одно из первых описаний латиноамериканского мира первой четверти XIX в., составленное россий-

скими путешественниками, и являются интересным и уникальным источником по истории науки, путешествий и истории идей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804—1904). Часть вторая: факультеты юридический и медицинский, преподаватели искусств и добавления справочного характера. Казань, 1904.

² Ю.А б и б о к. Жившие чужими страданиями. Ненаписанная история семьи Берви. — <http://infodon.org.ua/uzovka/231>

³ НАРТ, ф. 977., оп. 2., д. 7, л. 7.

⁴ НАРТ, ф. 350, оп. 2., д. 7, л. 8.

⁵ В.Ф.Б е р в и. Основные начала антропологии. — Ученые записки Казанского университета, 1839, кн. I, с. 103.

⁶ Там же, с. 3—81.

⁷ В.Ф.Б е р в и. Физиологически-психологический взгляд на начало и конец жизни. Казань, 1859, с. 64—65.

⁸ НАРТФ, 977, оп. «Совет», д. 4111, л. 1.

⁹ В.Ф.Б е р в и. Отрывки из записок путешественника. — Ученые записки Казанского университета, 1835, с. 290—329.

¹⁰ В.Ф.Б е р в и. Отрывки из записок путешественника. — Ученые записки Казанского университета, 1836, с. 105—109.

¹¹ В.Ф.Б е р в и. Отрывки из записок путешественника. — Ученые записки Казанского университета, 1837, с. 3—41.

¹² ЭМУ, ф. Америка, оп. 166, № 1—4.

¹³ Там же.